

В.Я. Порхомовский

(ИЯз РАН)

ЯЗЫК ХАУСА И АФРАЗИЙСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ¹

В настоящей статье рассматривается особая роль языка хауса в афразийском (семито-хамитском) и чадском сравнительно-историческом языкознании.

Язык хауса занимает исключительное место в рамках чадской ветви семито-хамитских языков. Едва ли можно найти на языковой карте мира ситуации, подобные чадской, когда в группе, включающей около 150 языков и диалектных групп, один язык, а именно хауса, по численности говорящих столь существенно преобладает над всеми остальными языками этой группы, вместе взятыми, причем среди них практически отсутствуют языки, занимающие сколько-нибудь значительные позиции в том, что касается численности говорящих и функционального статуса. Причины этого дисбаланса среди чадских языков еще далеки от понимания. Очевидно, что только естественные демографические процессы не могли привести к подобной ситуации. Важнейшая роль здесь принадлежит социолингвистическим факторам, а именно широкому распространению хауса в качестве лингва франка, поскольку в условиях крайне высокой степени этноязыкового разнообразия потребность в средствах межэтнической и межъязыковой коммуникации не вызывает сомнений. Причем разрыв между хауса и всеми остальными чадскими языками в том, что касается всевозможных функциональных параметров, является не менее значительным, чем демографический. Однако остается открытым вопрос, почему именно язык хауса оказался ведущим лингва франка Западного Судана.

В этой связи следует подчеркнуть, что народ хауса никогда не выступал в качестве военно-политического гегемона в этом обширном регионе в отличие от некоторых других этноязыковых

---

¹ Статья подготовлена по проекту РГНФ 14-04-00488 «Языковые контакты в Африке».

общностей, среди которых особо отметим канури, фульбе и сонгаи. Государства хауса никогда не обладали в Западном Судане такой властью и влиянием, как империи Мали, Сонгаи, Канем-Борну, а именно этими факторами Дж. Гринберг объясняет широкое распространение близкородственных языков манинка, малинке, дьюла, а также сонгаи [Greenberg 1971: 202]; ср. также [Houis 1961: 87]: «Причины распространения языка хауса не ясны. Помимо непродолжительного периода, когда власть над странами хауса захватило государство Кебби при поддержке сонгайской империи, семь хауса (традиционные исторические города и области хауса. — *В.П.*) составляли не политическую федерацию, а общность, связующими звеньями которой были язык и общие черты культуры». Краткий очерк истории хаусаленда, этапов распространения языка хауса и его роли в языковой ситуации в Нигерии вплоть до первых лет независимости, а также дальнейшую библиографию см.: [Порхомовский 1975: 155–178].

Напротив, политическая и религиозная гегемония фульбе после джихада Усмана дан Фодио и образования империи фульбе со столицей в Сокото послужила мощным фактором утверждения хауса в качестве основного языка межэтнического общения в Северной Нигерии и на лимитрофных территориях. Здесь обнаруживается типологическая аналогия с языковой ситуацией на Древнем Ближнем Востоке в I тыс. до н.э., см., например [Лезов 2000: 412]: «Конкретные механизмы языковой арамеизации Ближнего Востока в период между VIII в. до н.э. и началом эллинистической эпохи не всегда поддаются реконструкции. Более всего привлекает к себе внимание тот факт, что родным языком семитских народов этого региона (заметное исключение составляют лишь арабы) стал арамейский, который никогда не был языком политически господствующего этноса».

Арамейский язык не только стал ведущим лингва франка этого обширного и очень пестрого в этноязыковом отношении региона, но и приобрел функции родного или первого языка для местного населения, в том числе для иудеев, для которых язык канонического текста *Biblia Hebraica* сохранял свой сакральный статус. Тем не менее арамейский язык был не только основным средством уст-

ного общения на бытовом уровне, но и языком религиозных сочинений и комментариев в рамках иудаизма, в том числе Талмуда, Мишны, Книги пророка Даниила и др. На арамейский язык были сделаны переводы еврейской Библии (т.н. таргумы). Наконец, арамейский язык функционировал в качестве официального языка Ахеменидской державы, несмотря на то что у древних иранцев были собственные письменные традиции на древнеперсидском языке. Этот вариант арамейского языка принято именовать 'имперским арамейским'.

Функциональная и лингвистическая характеристика различных арамейских идиомов, составляющих особую арамейскую группу в рамках семитских языков, далеко выходит за рамки настоящей работы. Отметим только, что весьма распространенной является традиция расширительного употребления термина «арамейский язык» для обозначения этого языкового континуума в целом. Именно так этот термин употребляется в настоящей работе.

Возвращаясь к сопоставлению коммуникативного статуса хауса и арамейского языков, следует особо подчеркнуть, что в обоих случаях первоначальные причины подобной эволюции коммуникативных ситуаций остаются неизвестными. Как отмечает Лезов: «Одну из причин этого следует видеть в том, что разговорный язык не был столь важным элементом групповой идентичности на Древнем Ближнем Востоке, как, например, в античной культуре или в Европе Нового времени» [Лезов 2000: 421]. Что касается Африки южнее Сахары и, особенно, Западного Судана, то языковой фактор в процессах групповой идентификации и самоидентификации требует серьезного анализа. Однако достаточно высокая роль языка в этих процессах не вызывает сомнений, что делает вопрос о первоначальных причинах языковой экспансии хауса еще более сложным.

Итак, обнаруживается целый комплекс типологических параллелей между языковыми ситуациями в столь различных регионах и исторических эпохах — на Ближнем Востоке в I тыс. до н.э. и в Западном Судане в конце II тыс. н.э. Как уже говорилось выше, здесь можно выделить несколько аспектов. Во-первых, это преобладание хауса и арамейского языков в качестве ведущих *лингва*

франка в условиях исключительно высокой степени этноязыкового разнообразия. Во-вторых, в обоих случаях наблюдается достаточно специфические ситуации, когда идиомы, выполняющие контактные функции в торговле и на уровне повседневного общения, постепенно становятся родными языками для гетерогенного населения, вытесняя этнические языки. В-третьих, при отсутствии собственных значительных политико-административных образований происходит повышение функционального статуса обоих языков до ведущего в рамках крупных государств, где носители хауса и арамейского языков отнюдь не выступали в качестве этнических гегемонов. Хауса был основным языком империи фульбе, а арамейский — империи Ахеменидов, несмотря на наличие собственных этнических языков у народов, составлявших этническое ядро соответствующих государств. Наконец, язык хауса пользуется высоким престижем в контексте мусульманского общества Западного Судана как язык настоящих мусульман, что существенно увеличивает его привлекательность в качестве языка широкой коммуникации, а арамейский на протяжении многих столетий являлся важным языком религиозного дискурса в рамках иудаизма, вплоть до того, что автору этих строк многократно приходилось сталкиваться с утверждениями, что языком Ветхого Завета является арамейский язык. Причем ни арамейский язык, ни хауса не являются языками богослужения и сакральных текстов соответствующих религий. В исламе эта роль принадлежит арабскому языку, а в иудаизме ивриту.

В дополнение к сказанному выше необходимо отметить, что хауса получил мощные импульсы для развития и модернизации в рамках британской колониальной политики косвенного управления в Северной Нигерии, однако здесь безусловно имеется сознательный выбор программ языкового строительства с опорой на уже сложившиеся социолингвистические параметры, поэтому данный аспект не относится к обсуждаемому здесь вопросу о причинах первоначального распространения языка хауса. Параллели с арамейской ситуацией свидетельствуют о том, что эти причины, по всей видимости, следует искать в сложной системе взаимодей-

ствия различных гетерогенных факторов. Именно поэтому подобные ситуации имеют достаточно редкий, эксклюзивный характер.

Проблематика, отмеченная выше, имеет непосредственное отношение к теме данной работы, а именно вопросу о роли и месте языка хауса в семито-хамитских и чадских сравнительных штудиях. Исключительный характер этой роли в рамках не только чадских языков, но и семито-хамитской языковой семьи в целом, определяется сочетанием двух независимых друг от друга комбинаций факторов. К первой группе относятся социолингвистические факторы, отмеченные выше. Вторую группу образуют собственно лингвистические факторы, т.е. некоторые черты языковой структуры хауса.

Что касается социолингвистических факторов, то их роль представляется вполне очевидной. Благодаря своему демографическому и функциональному статусу язык хауса всегда оказывался в центре внимания европейских исследователей со времени их появления в Западном Судане и, следовательно, становился первым (или одним из первых) объектом интереса, изучения и научного анализа. Существенная роль принадлежала также некоторым культурным, социальным и психологическим аспектам. Здесь необходимо отметить, что в не столь отдаленные времена освоения Африки европейцами общие морально-этические стандарты были весьма далеки от нынешних принципов политкорректности. Ко времени появления европейцев во внутренних областях Западного Судана хауса был языком развитой урбанистической цивилизации, чьи носители исповедуют ислам, т.е. одну из основных мировых монотеистических религий. У хауса к концу XVIII — началу XIX в. сложилась собственная письменная традиция на основе арабской графики (т.н. аджами). Поэтому вполне естественно, что этот язык вызывал гораздо больший интерес у европейских путешественников и исследователей по сравнению с малыми этническими языками народов, находившихся в то время на гораздо более архаичных этапах социального и культурного развития. В результате язык хауса входит в число наиболее подробно и тщательно описанных, документированных и исследованных

языков мира. Достаточно указать на наличие двух, созданных независимо друг от друга, больших толковых двуязычных словарей с огромным количеством контекстов и лексических иллюстраций [Abraham 1962; Bargery 1934], а также на фундаментальные грамматики, причем построенные на совершенно различных принципах [Jaggar 2001; Newman 2000; Wolff 1993], помимо большого объема разнообразной научной и учебной литературы.

Поскольку именно хауса раньше всех других чадских языков оказался в поле зрения европейских исследователей и именно этому языку и далее уделялось основное внимание, то на ранних этапах сравнительного изучения семито-хамитских языков вопрос о принадлежности всей группы чадских языков к семито-хамитской семье на практике сводился к вопросу о включении хауса в число хамитских языков. После утверждения концепции семитских языков, т.е. генетического родства ряда мертвых и живых языков Ближнего Востока, возникла проблема с генеалогическим статусом языков, обнаруживавших сходство с семитскими языками, позволявшее предполагать и утверждать родство этих языков, но недостаточное для включения их в состав семитских языков. В число этих языков попали древнеегипетский, берберские и кушитские языки. Эти языки стали объединять в хамитскую семью, которая вместе с семитскими языками образует обширную семито-хамитскую или афразийскую семью. Подробней об истории афразийского (семито-хамитского) сравнительного языкознания см., например, [Порхомовский 1982а]. Вопрос о генеалогическом статусе чадских языков оказался значительно более сложным, и его решение заняло в общей сложности почти столетие.

Определенные черты сходства языка хауса с семитскими, древнеегипетским и берберскими языками были замечены практически при первом знакомстве с этим языком, и уже в 1863 г. К. Лепсиус включил хауса в число хамитских языков, объединив его вместе с берберскими (тамашек) в особую ливийскую подгруппу. Через три года Ф. Мюллер включил в число хамитских языков наряду с хауса и мусгум. Постепенно количество языков, сближаемых с хауса, все более возрастало; подробно о ранней истории изучения чадских языков см. [Осницкая 1972]. Что каса-

ется генеалогического статуса этих языков, т.е. их соотношения с семито-хамитской семьей в целом, то, как уже отмечалось выше, на ранних этапах это часто сводилось к вопросу о включении хауса в число хамитских языков.

Здесь очень важная роль принадлежит собственно лингвистическим факторам, трудно объяснимым иначе, чем случайным совпадением, но которые в свою очередь кардинальным образом помогли решать эту задачу на начальных этапах развития семито-хамитской компаративистики. Дело в том, что именно в языке хауса даже при поверхностном знакомстве легко обнаруживаются грамматические изоглоссы, убедительно свидетельствующие о генетических связях языка хауса с семитскими, берберскими и древнеегипетскими языками. Упомянем, в частности, среди этих изоглосс префикс *m-*, образующий отглагольные имена, и личные местоименные показатели, особенно 2 и 3 лица мужского и женского рода единственного числа:

2 л. м. р. — *ka*, ж. р. — *ki*, 3 л. м. р. — *ya*, ж. р. *ta*.

Следует отметить, что основным местоименным показателем третьего лица мужского рода в языке хауса является морфема *shi / sa*. Показатель *ya*, представляющий безусловный интерес в плане общесемито-хамитских сравнений, имеет, вероятно, вторичное происхождение. Этот вопрос требует дальнейшего изучения.

Эти и некоторые другие морфологические критерии, например, использование внутренней флексии для образования множественного числа у некоторых имен (ср. ломаное множественное число в арабском языке) служили достаточным основанием для развертывания сравнительных исследований в области лексики и фонетики с целью доказательства родства хауса с семито-хамитскими языками в целом. При этом представляется очевидным, что если бы на месте хауса находился один из языков центральной ветви чадских языков, а, возможно, и вообще любой другой чадский язык, формирование концепции семито-хамитской семьи языков в ее нынешнем виде потребовало бы значительно больше времени и усилий.

Дело в том, что афразийская семья языков является генетическим единством гораздо более глубокого уровня, чем, например,

индоевропейские языки. Это означает исключительную глубину распада не только афразийского единства на отдельные ветви, но и чадской ветви на отдельные группы и подгруппы. Естественно, что чадские языки, не имеющие сколько-нибудь длительных письменных традиций, отличаются исключительно большим разнообразием в области морфологических структур. В качестве примера достаточно упомянуть попытку К. Хофмана доказать необоснованность отнесения Дж. Гринбергом языка марги и близкородственных языков к чадской ветви афразийской семьи на том основании, что бóльшая часть морфологических аргументов, приведенных Гринбергом [Greenberg 1955,] для доказательства включения чадских языков в афразийскую семью, недействительна для языка марги. Необходимо принять во внимание, что язык марги — это один из достаточно крупных языков центральной группы чадских языков, грамматика марги Хофмана безусловно является одной из лучших для своего времени грамматик чадских языков. Ко времени ее публикации генеалогический статус чадских языков в составе афразийской (семито-хамитской) семьи уже вполне утвердился в языкознании. Тем не менее в предисловии к этой книге ее автор выступил против классификации марги как афразийского языка [Hoffmann 1963] на основании грамматических критериев, хотя позже отказался от этой идеи и поддержал классификацию марги как чадского языка в составе семито-хамитской семьи.

Этот пример убедительно показывает, насколько более тяжелой и длительной стала бы задача генеалогической классификации чадских языков, если бы на месте ведущего языка этой группы вместо хауса оказался язык, близкий по своим морфологическим структурам языкам центральной группы. Таким образом, хауса, по всей видимости, явился наиболее предпочтительным объектом для первичных сравнительных штудий в плане афразийского языкознания среди всех чадских языков, хотя здесь, конечно, следует учитывать и гораздо более высокий уровень изученности хауса по сравнению с остальными чадскими языками. Телеологическую интерпретацию, т.е. предположение о непосредственной связи языковых структур хауса с демографическими и коммуникатив-

ными характеристиками этого языка, едва ли можно принимать всерьез. Таким образом, чисто случайное совпадение этих двух независимых характеристик языка хауса, структурной и коммуникативной, сыграло ключевую роль в генеалогической классификации чадских языков, что имело принципиальное значение и для афразийского сравнительно-исторического языкознания в целом.

Это становится особенно очевидным, если принять во внимание, каким образом африканистика пришла к современному состоянию в плане состава и классификации чадских языков. Здесь мы ограничимся очень кратким изложением, подробнее об этом см. [Порхомовский 1982б: 258–263; Порхомовский 1982в: 212–213]. Как уже говорилось выше, культурологические стереотипы, характерные для ранних этапов сравнительного языкознания, могли (осознанно или нет) препятствовать развитию концепций о родстве языков великих цивилизаций древности и мировых религий с языками традиционных архаических обществ во внутренних районах Западной Африки, в частности на плато Джос с характерным для этого региона исключительным этноязыковым разнообразием. К тому же здесь играли свою роль и чисто антропологические критерии. Кстати, сходная ситуация существовала и в семитологии, где во многом аналогичные причины в течение длительного времени препятствовали полноценному вовлечению в орбиту сравнительного языкознания бесписьменных языков Южной Аравии и Эфиопии на равных основаниях с классическими языками древности, что стало серьезным препятствием для общесемитской реконструкции и внутренней классификации [Porkhomovsky in press 1].

В случае чадских языков существенную роль сыграла хамитская теория К. Майнхофа [Meinhof 1912], см. об этом [Порхомовский 1982б; Порхомовский 1982в]. В соответствии с этой теорией крупнейший специалист по чадским языкам первой половины XX в. Й. Лукас разделил все чадские языки на две группы — чадскую и чадо-хамитскую, при этом только для второй группы (куда входил язык хауса) признавалась связь с семито-хамитской языковой семьей, см. написанные им разделы «Chado-Hamitic» и «Chadic» в книге [Westerman, Bryan 1952], а некоторые чадские

языки были включены в раздел «Non-Class Languages». М. Коэн в известном труде «Les langues du monde» [Meillet, Cohen 1924] не включает хауса в число семито-хамитских языков, хотя и отмечает некоторые черты сходства грамматических структур хауса с семито-хамитскими языками. В своем пионерском сравнительном словаре семито-хамитских языков [Cohen 1947] Коэн также воздерживается от включения чадских языков в число семито-хамитских, но приводит хаусанские параллели к устанавливаемым им соответствиям, а также отмечает бесспорное сходство хауса с семито-хамитскими языками. Здесь по-прежнему сохраняется привилегированное положение хауса в рамках этой проблематики. При этом наблюдается безусловное внутреннее противоречие, которое сводится к нежеланию окончательного признания семито-хамитского статуса хауса, поскольку это влечет включение в состав семито-хамитской семьи всей группы чадских языков. Этот шаг был сделан Дж. Гринбергом, свободным от стереотипов европейской африканистики. По его модели, в целом принятой современной лингвистикой, чадские языки образуют одну из ветвей афразийской (семито-хамитской) семьи языков на равных основаниях с остальными ветвями, причем никакого особого хамитского единства внутри этой семьи не существует. Именно поэтому он предложил заменить традиционное название «семито-хамитские» языки на «Afro-Aisatic», в русском варианте — «афразийские» [Greenberg 1955, 1963]. Однако устойчивость прежних взглядов вопреки очевидным лингвистическим данным проявилась позже весьма парадоксальным образом. В 1980-е годы были опубликованы два фундаментальных тома многотомной серии «Les langues dans le monde ancien et moderne» [1981; 1988]. Первый из этих двух томов посвящен африканским языкам, а также пиджинам и креольским языкам, а второй — семито-хамитским языкам. Главы, посвященные чадским языкам, включены в африканский том, хотя в тексте соответствующих разделов чадские языки однозначно трактуются как семито-хамитские. Иными словами, издатели серии предпочли хотя бы формально следовать в этой области принципам книги «Les langues du monde» Мейе и Коэна.

В заключительной части настоящей работы будет рассмотрена грамматическая изоглосса, связывающая язык хауса с семитскими языками и относящаяся к области диахронической типологии. Речь идет об исторической эволюции видо-временной глагольной системы языка хауса в сопоставлении с семитской системой финитных глагольных форм. Для типологического анализа привлекается модель эволюции аспектной оппозиции «перфектив — имперфектив» в семитских языках, предложенная автором настоящей работы, подробно см.: [Порхомовский 2003; Porxhomovsky 2008]. Эта изоглосса будет здесь представлена очень кратко на материале арабского языка в сопоставлении с аспектной системой хауса.

В соответствии с нашей моделью реконструкции в арабском языке префиксально спрягаемая форма имперфектива (настоящего времени) противопоставлена суффиксально спрягаемой форме перфектива (прошедшего времени). Форма имперфектива является слабым (немаркированным) членом бинарной оппозиции, поэтому она также выполняет функции субъюнктива (юссива), употребляется в однородных конструкциях, где воспроизводит видовременную семантику основного глагола (т.е. оказывается лишенной собственной видовременной семантики), и, наконец, выступает в качестве перфектива в отрицательных конструкциях. Подобная структура сформировалась в результате эволюции прасемитской системы, где префиксально спрягаемая форма выполняла функции слабого (немаркированного) перфектива, противопоставленного маркированному также префиксально спрягаемому имперфективу. Эти две формы различались вокализмом глагольной основы — редуцированным (с одним гласным) в форме перфектива и полногласным (с двумя гласными в результате *a*-аблаута) в форме имперфектива. Данная структура сохранилась в аккадском языке. В других семитских языках немаркированный перфектив был вытеснен из аспектной оппозиции и стал выполнять функции субъюнктива. При этом сформировался новый сильный суффиксально спрягаемый перфектив. Эта структура представлена в эфиосемитских и современных южноаравийских языках. В центральных семитских языках (ханаанейских, арамейских, арабском) полногласная префиксально спрягаемая фор-

ма имперфектива была утрачена, а ее функции стала выполнять префиксально спрягаемая форма бывшего слабого перфектива. Одновременно, как и в аккадском языке, эта форма сохраняла и модальные функции (с некоторыми вторичными изменениями). Следы ее прежней перфектной семантики сохранились, например, в архаических поэтических текстах в угаритском языке и иврите, в конструкциях с *waw consecutivum* в иврите, а также в качестве перфектива в отрицательных конструкциях в арабском. В положительных конструкциях используется суффиксальная форма нового сильного перфектива, как и в эфиосемитских и современных южноаравийских языках. Аргументы, на основе которых была сделана данная реконструкция, подробно изложены в наших работах, упомянутых выше [Порхомовский 2003; Porxhomovsky 2008].

Система финитных глагольных форм языка хауса представляет довольно точную типологическую параллель семитской системе в том, что касается ее исторической эволюции. Причем среди семитских языков наибольшее сходство хауса обнаруживается именно с арабской системой. Прежде всего следует указать, что в целом системы финитных глагольных форм в хауса и в семитских языках имеют принципиальные различия. В семитских языках эти формы спрягаются с помощью префиксальных или суффиксальных личных показателей. В хауса собственно глагольные основы не изменяются, а спряжение осуществляется с помощью аналитических личных показателей, предшествующих глагольной основе и образующих единый комплекс с видовременными показателями. В традиционных хаусанских грамматиках видовременные формы обозначаются с помощью показателей 3-го лица множественного числа заглавными буквами, поскольку их семантика может сочетать различные категории вида, времени и модальности. В ряду этих видовременных форм имеется форма субъюнктива или юссива (форма SU), которая в последние годы стала объектом для оживленных дискуссий. В традиционных описаниях принято считать, что эта форма выполняет функции субъюнктива (или юссива), используется в однородных конструкциях, где имеет ту же грамматическую семантику, что и первый глагол в цепочке, а также используется в отрицательных конструкциях в функции пер-

фекта. Обычный перфект в положительных конструкциях имеет особую форму SUN. Необходимо отметить, что форма SU может рассматриваться как самая простая (или первичная) форма в системе спрягаемых видовременных форм, поскольку она лишена как сегментных, так и суперсегментных маркеров. Ее показатели выражают только лицо, род и число субъекта, имеют низкий тон и краткий гласный.

В последние годы авторы всех трех упомянутых выше фундаментальных грамматик хауса независимо друг от друга предложили новую трактовку этой формы, см. [Jaggar 2001; Newman 2000; Wolff 1993]. Согласно этой новой интерпретации здесь представлены три самостоятельных омонимичных формы: субъюнктив, пустая (или нулевая) форма и отрицательный перфект. Эта трактовка обосновывалась авторами на основе подробного и тонкого синхронного анализа дистрибуции этих предполагаемых самостоятельных омонимичных глагольных форм в разных контекстах. Высказывались также гипотезы, каким образом показатели этих форм могли совпасть при сохранении различной грамматической семантики. Против данного подхода выступил Р. Шу, исходящий из принципа *одна форма — одна семантика* [Schuh 2003]. Также на основе синхронного анализа дистрибуции различных значений формы SU он предложил рассматривать субъюнктив и нулевую форму как варианты одной и той же глагольной категории. Отрицательный перфект не был включен в этот анализ. По нашему мнению, решение данной проблемы лежит в плоскости диахронии. Как показали ранее в своей совместной работе авторы противоположных подходов к анализу формы SU Ньюмен и Шу, перфект, т.е. форма SUN, является инновацией, самой поздней формой в глагольной системе хауса [Newman, Schuh 1974]. Таким образом, мы имеем здесь ситуацию, полностью аналогичную арабской. Старый немаркированный перфект, выраженный формой SU, был вытеснен из аспектной оппозиции «перфектив — имперфектив» и стал употребляться в модальных конструкциях, т.е. в функции субъюнктива (юссива), в однородных конструкциях, т.е. как пустая или нулевая форма, а также в качестве перфекта в отрицательных конструкциях. А его место занял новый маркированный

перфектив, т.е. форма SUN. Таким образом, здесь можно отметить полную типологическую аналогию с арабской глагольной системой, подробно о субъюнктиве в хауса см.: [Porxhomovsky in press 2]. Кстати, в своей совместной работе Ньюмен и Шу замечают, что «как в перфективе, так и в форме продолженного действия (имперфективе) отрицательные формы являются самыми консервативными и представляют наиболее полную картину исторически предшествующих форм» [Newman, Schuh 1974: 17]. Это замечание вполне соответствует нашей реконструкции, представленной в настоящей работе.

Предложенная нами реконструкция эволюции глагольной системы в семитских языках, с одной стороны, и в языке хауса, с другой, основана в обоих случаях на принципах диахронической типологии. Очевидный параллелизм этих двух диахронических моделей в столь типологически различных языках является дополнительным аргументом в пользу подобного подхода.

Библиография

Лёзов С.В. Арамейские языки // Языки мира. Семитские языки. Акадский язык. Северозападносемитские языки. М., 2009.

Осницкая И.А. История изучения семито-хамитских языков бассейна оз. Чад // Africana. Африканский этнографический сборник. Вып. IX. Л., 1972.

Порхомовский В.Я. Языковая ситуация в Северной Нигерии // Языковая ситуация в странах Африки. М., 1975.

Порхомовский В.Я. Афразийские языки // Сравнительно-историческое изучение языков разных семей. Задачи и перспективы. М., 1982а.

Порхомовский В.Я. Чадские языки // Сравнительно-историческое изучение языков разных семей. Задачи и перспективы. М., 1982б.

Порхомовский В.Я. Проблемы генетической классификации языков Африки // Теоретические основы классификации языков мира. Проблемы родства. М., 1982в.

Порхомовский В.Я. Аспект в семито-хамитских языках (к проблеме реконструкции) // Основы африканского языкознания. Глагол. М., 2003.

Abraham R.C. Dictionary of the Hausa Language. 2nd ed. L., 1962.

Bargery G.P. A Hausa-English Dictionary and English-Hausa Vocabulary. L., 1934.

Cohen M. Essai comparative sur le vocabulaire et la phonétique du chamito-sémitique. P., 1974.

Greenberg J. Studies in African linguistic classification. New Haven, 1955.

Greenberg J. The languages of Africa. Bloomington, 1963 (2nd ed. 1966).

Greenberg J. Urbanism, migration and language // Language, Culture and Communication, Essays by J.H. Greenberg. Stanford, 1971.

Hoffmann C. A Grammar of the Margi language. L., 1963.

Houis M. Mouvements historiques dans l'ouest africain // «L'Homme». Revue française d'anthropologie. P., 1961.

Jaggat Ph. Hausa. London Oriental and African Language Library. Vol. 7. Amsterdam, 2001.

Les langues dans le monde ancien et moderne. Afrique subsaharienne. Pidgins et créoles. P., 1981.

Les langues dans le monde ancien et moderne. Les langues chamito-sémitiques. P., 1988.

Meillet A., Cohen M. Les langues du monde. P., 1924.

Meinhof C. Die Sprachen der Hamiten. Hamburg, 1912.

Newman P. The Hausa Language, An Encyclopedic Reference Grammar. New Haven, 2000.

Newman P., Schuh R. The Hausa aspect system // Afroasiatic linguistics. 1974. Vol. 1. No. 1.

Porkhomovsky V. Hamito-Semitic aspect system: the case of Semitic and Berber // Sprache und Geschichte in Afrika. 2008. Band 19.

Porkhomovsky V. The place of Arabic in Semitic comparative studies. In press 1.

Porkhomovsky V. The Hausa Subjunctive in the Hamito-Semitic context. In press 2.

Schuh R. The functional unity of the Hausa and West Chadic subjunctive // UCLA Working Papers in Linguistics. 2003. No. 9. Papers in African Linguistics 3. 2003.

Westermann D., Bryan M.A. Languages of West Africa. Handbook of African Languages. Part II. Folkestone; L., 1970.

Wolff E. Referenzgrammatik des Hausa. Hamburger Beiträge zur Afrikanistik, Band 2. Hamburg, 1993.